

Если он напишет плохо, Чжао Чэнь не разочаруется?

— Не волнуйся, вначале может показаться сложным, но чем больше ты будешь учиться, тем легче станет, — Чжао Чэнь, увидев, что он держит кисть, но не решается писать, и его рука слегка дрожит, мягко успокоил его. — Сейчас просто попробуй написать своё имя, моё пока просто запомни.

Чэнь Цзю посмотрел в его улыбающиеся глаза, немного успокоился, глубоко вдохнул и начал писать, стараясь повторить то, что делал Чжао Чэнь.

Несмотря на то, что он старался изо всех сил и следовал указаниям, его иероглифы всё равно получились кривыми, резко контрастируя с теми, что написал Чжао Чэнь.

Чэнь Цзю уже начал чувствовать неловкость, как вдруг услышал, как Чжао Чэнь засмеялся:

— Отлично получилось! Для начала это очень хорошо, ты посмотрел на иероглифы всего три раза и не сделал ошибок, это здорово.

Чэнь Цзю подумал, что он умеет утешать, но внутри почувствовал облегчение и тихо сказал:

— Я учился писать своё имя у моего младшего брата.

— Это тоже неплохо, — с улыбкой поддержал Чжао Чэнь. — Если будешь много практиковаться, обязательно научишься писать красиво.

Он взглянул на улицу, где уже начинало светать, и сказал:

— Потренируйся здесь, а я пойду приготовлю завтрак.

Чэнь Цзю кивнул, хотел спросить, не нужно ли помочь, но вспомнил, что его кулинарные навыки оставляют желать лучшего, и решил не навязываться.

Лучше не помогать, чем сжечь кухню Чжао Чэня.

Чэнь Цзю с сегодняшнего дня должен был начать принимать лекарства, поэтому Чжао Чэнь не стал готовить ничего жирного, а сделал кашу с горчицей и мясом, добавив несколько варёных яиц. Этого было достаточно для питательного завтрака.

Завтрак был готов, но прежде чем он успел перенести еду в [Пространство], пришёл Хэ Даху.

В руках у него была корзина, и, увидев Чжао Чэня, он протянул её со словами:

— Братец Чжао, это яичные лепёшки, которые приготовил мой отец, попробуй.

Для деревенских жителей того времени яйца были редким лакомством, и Хэ с сыном, чтобы уговорить его «учителя» помочь с лечением, постарались.

— Спасибо, но мне сейчас не нужно, оставь лепёшки себе, — поблагодарил Чжао Чэнь, но не взял корзину.

Он знал, что Хэ Даху хочет узнать, и не стал тянуть, сказал заранее подготовленное:

— Прости, вчера я вернулся поздно и не успел подняться на гору. Я спрошу после завтрака и дам тебе точный ответ после обеда, хорошо?

Вчера он вернулся в деревню, когда уже почти стемнело, поэтому не мог подняться на гору. Нельзя же было сказать, что «учитель» приходил в [хижину с соломенной крышей], иначе потом могли бы возникнуть проблемы.

Хэ Даху был немного разочарован, но всё же понял его и быстро ответил:

— Ничего, ничего, можно и позже. Может, я пойду с тобой?

— Не нужно, мой учитель не любит чужих, я пойду один. Ты можешь вернуться к своим делам и прийти после обеда.

Услышав это, Хэ Даху, боясь обидеть старого врача, не стал настаивать.

После его ухода Чжао Чэнь перенёс завтрак вместе со столом в [Пространство].

Чэнь Цзю, поскольку Чэнь Фу принёс завтрак и лекарство, был вынужден выйти, и Чжао Чэнь пошёл посмотреть, как он писал.

К его удивлению, Чэнь Цзю написал не только своё имя, но и имя Чжао Чэня два раза.

Для начинающего, который до этого умел писать только своё имя и почти не знал других иероглифов, почерк получился неплохим, особенно учитывая, что их имена были не самыми простыми. Видно было, что Чэнь Цзю старался.

Чэнь Фу, который даже с родной матерью разговаривал неохотно, и подавно не обращал внимания на Чэнь Цзю. Сегодня он тоже просто принёс еду и лекарство и ушёл. Зато отец, позавтракав, поинтересовался его состоянием и, увидев, что он в порядке, спокойно отправился работать.

Чэнь Цзю, когда в доме никого не осталось, снова вошёл в [Пространство] и увидел, что Чжао Чэнь смотрит на его только что написанные иероглифы. Он почувствовал, как сердце сжалось, и очень хотел спрятать их, но стеснялся просто выхватить.

Чжао Чэнь теперь был его учителем, и если он хотел посмотреть его почерк, Чэнь Цзю не мог отказать.

К счастью, когда он вошёл, Чжао Чэнь отвёл взгляд от бумаги, передвинул стул к старому деревянному столу, который только что перенёс в [Пространство], и сказал:

— Садись, завтракай.

— Хорошо, — ответил Чэнь Цзю и сел рядом с ним.

Каша с горчицей и мясом и яйца для Чжао Чэня были обычным делом, но для Чэнь Цзю это был лучший завтрак с тех пор, как госпожа Лань вошла в дом Чэней, за исключением новогоднего утра. Чжао Чэнь готовил хорошо, и Чэнь Цзю ел с удовольствием, незаметно переел.

После завтрака Чэнь Цзю хотел взять на себя мытьё посуды, но Чжао Чэнь не разрешил, и он послушно продолжил тренировать почерк.

Написав их имена двадцать раз, Чжао Чэнь принёс приготовленное лекарство.

Почувствовав знакомый запах, Чэнь Цзю слегка напрягся.

Хотя он уже выпил бесчисленное количество лекарств, он всё ещё не мог привыкнуть.

Лекарство было слишком горьким.

Чжао Чэнь поставил горячее лекарство на стол рядом с ним, достал купленные вчера конфеты и сказал Чэнь Цзю:

— Сначала выпей лекарство, а если будет слишком горько, съешь конфету.

Чэнь Цзю вздрогнул, и в его сердце поднялась тёплая волна. Он не посмел поднять глаза, чтобы посмотреть на Чжао Чэня, и, кивнув, подошёл и выпил лекарство.

Лекарство всё ещё было горьким, но не таким, как раньше.

Чжао Чэнь, увидев, как его красивое лицо скривилось после того, как он выпил лекарство, не удержался от смеха.

Он достал конфету и протянул её:

— Вот, съешь, и не будет горько.

— Спасибо, — тихо сказал Чэнь Цзю, положив конфету в рот, и она действительно сладко растворилась в его сердце.

Когда Чэнь Цзю пришёл в себя, Чжао Чэнь начал учить его другим иероглифам. Пока не нужно было писать, только читать вслух. Вчера в книжном магазине он не нашёл подходящей книги для начинающих, поэтому взял свою старую книгу для обучения древним текстам «Тысяча иероглифов».

— Небо и земля, таинственны и велики. Вселенная обширна и пустынна. Солнце и луна сменяют друг друга, звёзды выстраиваются в ряд. Холод сменяется теплом, осень собирает урожай, зима хранит его...

Четыре иероглифа в строке, с ритмом и смыслом, который стал понятен после объяснения.

Чэнь Цзю, слушая, как он читает и объясняет, восхищался мудростью автора книги и талантом Чжао Чэня, чувствуя благодарность за его заботу.

Поскольку Чэнь Цзю был новичком, Чжао Чэнь не стал учить слишком много, только первые несколько строк, и попросил его повторять, пока он не запомнит. На этом сегодняшний урок закончился.

После этого началась физическая подготовка.

Спорт был слабостью Чжао Чэня, в основном потому, что он не любил его. Чтобы сохранить достаточно энергии для работы и самозащиты, он заставлял себя бегать каждый день и хотя бы раз в неделю ходил в додзё, другие виды спорта он почти не практиковал.

Поэтому он действительно мало что умел.

К счастью, хотя и мало, но одно подходящее для Чэнь Цзю упражнение у него было — тайцзи.

Он научился этому, когда изучал [медицинское искусство] у старого мастера.

Чжао Чэнь занимался тайцзи уже пять-шесть лет и, хотя не считал себя мастером, достаточно хорошо понимал его и выполнял движения правильно.

Однако, хотя он считал, что выполняет их правильно, Чэнь Цзю, наблюдая за ним, чувствовал себя немного растерянным.

Это... выглядело странно.

Чжао Чэнь, заметив его замешательство, усмехнулся, закончил упражнение и поманил его:

— Подойди, тренируйся со мной.

Чэнь Цзю немного сомневался, но, вспомнив, что Чжао Чэнь сказал, что это поможет ему быстрее выздороветь, глубоко вдохнул и подошёл.

Чжао Чэнь встал слева от него, на расстоянии около трёх чи, и, увидев, что он готов, начал учить.

При обучении физическим упражнениям неизбежно возникал физический контакт.

Когда Чэнь Цзю неправильно выполнил движение, и после двух попыток всё ещё не исправил, Чжао Чэнь не выдержал и подошёл, чтобы поправить его.

На самом деле Чжао Чэнь ничего особенного не делал, просто взял его за руку, чтобы исправить положение.

Но, к несчастью, он схватил именно то место, которое сегодня утром скрутила госпожа Лань, и Чэнь Цзю вскрикнул от боли.

— Что случилось? — нахмурился Чжао Чэнь.

Он же просто слегка взял его за руку, почему это было больно?

— Ничего, продолжим, — Чэнь Цзю попытался отмахнуться.

Но Чжао Чэнь не так легко обмануть. Он сразу же закатал его рукав и увидел, что на том месте, где должна была быть белая кожа, были синяки, новые и старые. Его зрачки слегка сузились.

Чэнь Цзю не ожидал, что Чжао Чэнь, который всегда был с ним вежлив, вдруг сделает такой «грубый» жест, и на мгновение замер, прежде чем поспешно опустил рукав.

Авторские комментарии:

Спасибо всем за чтение, добавление в закладки, комментарии, обсуждения и репосты! Очень вас люблю, целую (* ☺)(ε☺ *)

<http://bllate.org/book/16384/1482973>